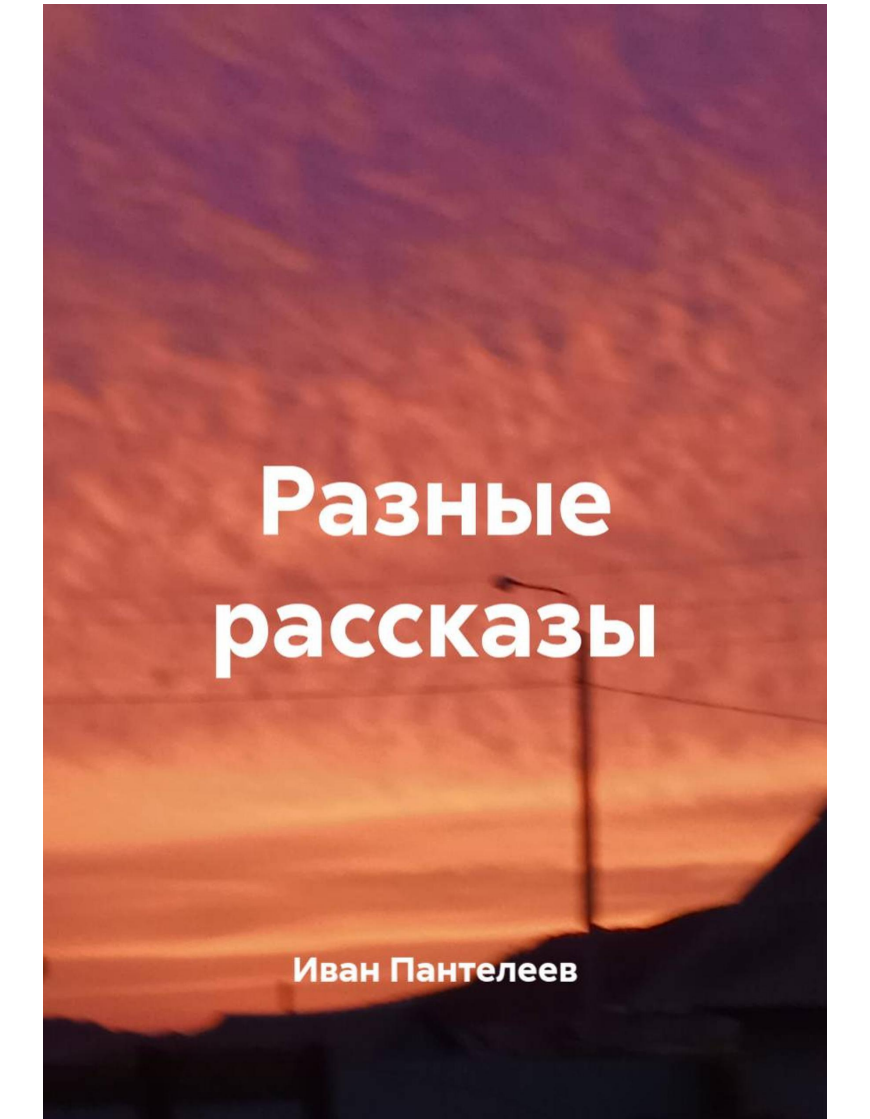

Разные рассказы

Иван Пантелеев

Иван Пантелеев

Разные рассказы

<https://litres.ru/74534838>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разные истории. Разные рассказы. Простые и сложные.
Короче, хотите прочитать - ради бога. Вас никто не заставляет.

Содержание

Пасквиль	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Иван Пантелеев

Разные рассказы

Пасквиль

Анна Петровна Малинина всю жизнь прожила в маленьком городке, где все знали друг друга если не по имени, то по лицу, по походке, по привычке здороваться с утра или не здороваться вовсе. Она работала библиотекарем тридцать два года и за это время успела стать чем-то вроде городской совести — тихой, незаметной, но всегда присутствующей. К ней шли за советом, к ней шли за книгой, к ней шли просто посидеть в читальном зале, где пахло старой бумагой и можжевельником, который она приносила из дома, чтобы заглушить запах пыли.

— Анна Петровна, а что у вас сегодня за запах? — спрашивала старуха Крылова, заглядывая в читальный зал. — Вроде можжевельник?

— Можжевельник, — кивала Анна Петровна. — Хотите веточку домой? У меня много.

— Ой, да что вы, баловство это.

— Берите-берите. Он от моли хорошо помогает.

Старуха брала веточку, улыбалась и уходила, прижимая её к груди, как что-то драгоценное.

Анна Петровна была добрым человеком. Не той показной добротой, что любит аплодисменты, а тихой, будничной, которая не требует ни свидетелей, ни благодарности. Она знала, у кого из читателей умерла жена, у кого сын уехал в город и не пишет, у кого пенсия меньше прожиточного минимума. Она помнила, кто что любит читать, и откладывала для них новинки, хотя новинки в их библиотеку попадали редко и всегда случайно. Она никогда не повышала голоса, никогда не жаловалась, никогда не осуждала. Даже когда у неё украли кошелёк в автобусе, она сказала только:

— Видно, человеку нужнее.

И вот именно её выбрали жертвой.

Это началось в конце октября, когда городок готовился к зиме — заклеивал окна, запасал дрова, проверял проводку. Анна Петровна, как всегда, открыла библиотеку в девять утра, полила фикус в читальном зале, протёрла пыль на полках с классикой и села за свой стол. Первым посетителем был Виктор Сергеевич Гушин, мужчина лет пятидесяти, с брюшком, лысиной и привычкой говорить так, будто он делает одолжение самому факту разговора. Он работал в городской администрации, занимал какую-то должность, связанную с культурой, и считал себя человеком образованным. Может, оно и было так. Во всяком случае, он любил цитировать Толстого и Достоевского, правда, всегда с ошибками, которые Анна Петровна вежливо не замечала.

— Анна Петровна, — сказал он с порога, — а не кажется

ли вам, что библиотека наша превращается в склад макулатуры?

— Не кажется, Виктор Сергеевич, — ответила она, не поднимая головы от формуляров. — Фонд обновляется по мере финансирования. Вы же знаете.

— Знаю, — усмехнулся он. — Только финансирование — это отговорка. Можно ведь и самим что-то делать. Писать письма, просить, требовать в конце концов.

— Я пишу, — сказала Анна Петровна. — Каждый год пишу.

— И что толку?

— Толк есть. В прошлом году нам выделили триста рублей на новые книги.

— Триста рублей! — Виктор Сергеевич расхохотался. — Это же смешно. На эти деньги даже Чехова не купишь.

— Мы купили Чехова, — тихо сказала Анна Петровна. — Тоненький томик, правда. Но купили.

Виктор Сергеевич взял с полки том Чехова, полистал, поставил обратно. Посмотрел на неё странным взглядом — оценивающим, будто прикидывал что-то. Потом сказал:

— А вы, я смотрю, гордая. Не жалуетесь.

— А зачем жаловаться? — удивилась Анна Петровна. — Работа как работа.

— Ну да, — протянул он. — Ну да.

И ушёл. А через три дня по городу пополз слух.

Слух был такой: Анна Петровна Малинина, библиотекарь,

якобы высказывалась неуважительно о жителях города. Говорила, что они невежественные, что книги не читают, что культурный уровень ниже плинтуса, что библиотека для них — просто место, где можно переждать дождь.

— Вы слышали, что она сказала? — спрашивала продавщица Зина у покупательницы.

— А что она сказала?

— Что мы серые. Что мы ничего не читаем. Что мы для неё — пустое место.

— Да вы что? Анна Петровна?

— Она самая. Тихая-тихая, а вон что думает.

— Не может быть.

— Может. Мне Виктор Сергеевич говорил. Он лично слышал.

— Виктор Сергеевич?

— Он самый. Он человек надёжный. Он врать не будет.

Люди легко поверили в то, что тихая, интеллигентная женщина, которая тридцать лет просидела среди книг, в глубине души презирает тех, кто эти книги не читает. Это было логично. Это было удобно. Это объясняло её молчаливость, её мягкую улыбку, её привычку не вмешиваться в уличные разговоры.

Первым слух подхватил Виктор Сергеевич. Он не распространял его напрямую — он просто вздыхал в нужных компаниях.

— Жаль, если это правда, — говорил он, сидя в курилке у

администрации. — Я всегда уважал Анну Петровну. Всегда.
— А что, есть сомнения? — спрашивал кто-то.
— Ну, знаете, — он многозначительно замолкал. — В тихом омуте...

— Так вы слышали сами?

— Слышал. Не буду повторять. Неприятно.

— Ну хоть намекните.

— Не буду. Это её дело. Её совесть.

И уходил, оставляя после себя тяжёлый осадок. Этого было достаточно. Люди достраивали сами.

К концу недели на Анну Петровну перестали смотреть. Не отворачивались демонстративно, нет — просто скользили взглядом, как по пустому месту. В магазине с ней не здоровались.

— Здравствуйте, — сказала Анна Петровна, заходя в булочную.

Продавщица Зина молча кивнула и уставилась в кассу.

— Мне, пожалуйста, половинку чёрного и батон.

— Чёрный закончился, — сказала Зина, не поднимая глаз.

— А вон же, на полке.

— Это вчерашний.

— Ничего, я возьму вчерашний.

— Не могу продать. Просроченный.

Анна Петровна посмотрела на полку, потом на Зину, потом снова на полку. Ничего не сказала. Вышла. На почте не

пропустили вперёд.

— Я только спросить, — сказала Анна Петровна, стоя в очереди.

— Все только спросить, — буркнул мужчина в кепке. — Стоять надо.

— Я и стою.

— Ну и стойте.

В библиотеку приходили всё реже, а те, кто приходил, вели себя настороженно, будто ожидали подвоха. Анна Петровна не понимала, что происходит. Она спрашивала у знакомых, но те пожимали плечами и уходили.

— Нина, — окликнула она соседку на улице. — Нина, подожди.

— Ой, Анна Петровна, я спешу, — сказала соседка, не оборачиваясь.

— Нина, что случилось? Почему все...

— Ничего не случилось. Всё хорошо. Я правда спешу.

Она звонила подруге, с которой дружила двадцать лет.

— Люда, это я. Можешь говорить?

— Ой, Анечка, я сейчас не могу. У меня внуки.

— Люда, подожди...

— Перезвоню. Обязательно перезвоню.

Трубка замолчала. Люда не перезвонила. Ни через день, ни через неделю.

Одиночество подкралось незаметно. Оно не стучалось в дверь, не предупреждало. Оно просто однажды оказалось ря-

дом — в пустом читальном зале, в нераспечатанных письмах, в телефонной трубке, которая молчала целыми днями. Анна Петровна продолжала ходить на работу, продолжала поливать фикус, продолжала протирать пыль. Но теперь она делала это в тишине, которая не была уютной. Тишина стала давящей, как низкое серое небо.

— Фикус, — сказала она однажды вслух, обращаясь к растению. — Ты хоть меня не предашь.

Фикус молчал. Но он хотя бы не уходил.

Через две недели слух обрёл новую форму. Теперь говорили, что Анна Петровна не просто плохо отзывалась о людях — она якобы писала пасквиль. Настоящий, подробный, с именами и фамилиями. Рукопись, которая лежит где-то в её столе и ждёт своего часа.

— Пасквиль? — переспросил молодой электрик Серёжа у Виктора Сергеевича.

— Пасквиль, — подтвердил тот. — Я сам не читал. Но видел краем глаза.

— И что там?

— Не буду повторять. Слишком грязно.

— Так, может, это неправда?

— Может, и неправда. Только зачем ей тогда прятать?

— Так она и не прячет.

— Прячет. Я знаю, что говорю.

Никто не видел этой рукописи. Никто не мог её подтвердить. Но все знали: пасквиль существует. Потому что так

было удобнее — иметь доказательство, пусть даже невидимое, пусть даже выдуманное. Оно превращало слух в факт, а сплетню — в приговор.

Виктор Сергеевич, разумеется, знал о пасквиле больше всех. Он даже намекал, что видел его краем глаза.

— Не читал, нет, что вы, — говорил он. — Я не стал бы читать чужое. Но видел. И, судя по всему, там написано такое, что лучше не повторять.

После этих слов нашлись люди, которые потребовали проверить. Не официально, конечно, — официально никто не хотел связываться. Просто проверить. Заглянуть в стол. Полистать тетради. Убедиться, что ничего нет.

— Вы не имеете права, — сказала Анна Петровна, когда двое мужчин вошли в библиотеку и направились к её столу.

— Мы просто посмотрим, — сказал один. — Если ничего нет, мы извинимся.

— У меня нет никакого пасквиля.

— А мы и не говорим, что есть. Мы просто проверим.

Они открыли ящики, перелистали формуляры, заглянули в подсобку. Ничего не нашли. Но чем больше они убеждались, что ничего нет, тем сильнее верили, что рукопись спрятана где-то в другом месте.

— Ну, значит, она её сожгла, — сказал один другому, выходя.

— Или перепрятала.

— Или перепрятала.

Анна Петровна стояла посреди читального зала и смотрела, как они уходят. Руки у неё дрожали. Она села на стул, потом встала, потом снова села. Потом подошла к фикусу и заплакала — впервые за все эти недели.

— Фигус, — прошептала она. — Что я им сделала?

Фигус молчал. Но он хотя бы не ушёл.

Анна Петровна чувствовала, как мир вокруг неё сжимается. Она перестала выходить из дома по вечерам. Перестала отвечать на звонки. Перестала смотреть в глаза. Она всё ещё ходила на работу, но теперь библиотека стала её убежищем, а не домом. Она закрывалась там от всех, сидела в подсобке, пила чай из термоса и читала. Читала запоем, как в юности, будто книги могли защитить её от реальности. Они не могли. Но они хотя бы не спрашивали, правда ли то, что о ней говорят.

К декабрю городок окончательно поверил в пасквиль. Он стал частью местного фольклора, темой для разговоров в очередях, в курилках, на лавочках у подъездов.

— Слышали? Она ещё и пасквиль написала.

— Да что вы?

— Вот тебе и «тихая».

— А я всегда говорила: в тихом омуте черти водятся.

— Так, может, проверить надо?

— Проверяли. Не нашли.

— Значит, спрятала.

Об Анне Петровне говорили уже не как о человеке, а как

о персонаже — неприятном, опасном, но при этом почти вымышленном. Её настоящее лицо стёрлось, растворилось в том образе, который создали для неё другие. Никто больше не помнил, как она уступала место в автобусе, как кормила котов, как откладывала книги для старухи, которая приходила раз в месяц. Всё это было забыто. Остался только пасквиль — несуществующий, но всеильный.

Подлость тем и страшна, что не оставляет следов. Её нельзя предъявить, нельзя опровергнуть, нельзя прижать к стенке. Она живёт в промежутках между словами, в паузах, в отведённых глазах. Она не убивает — она вычитает. Медленно, методично, по одной встрече, по одному разговору, по одному человеку. И в какой-то момент вычитание доходит до нуля.

В январе Анна Петровна уволилась.

— Я написала заявление, — сказала она директору, положив лист на стол.

— Как? Почему? — директор смотрел на неё растерянно.
— Анна Петровна, вы же...

— Я устала, — сказала она. — Просто устала.

— Может, отпуск? Возьмите отпуск. За свой счёт.

— Нет. Спасибо.

— Анна Петровна...

— Прощайте.

Она вышла из кабинета, прошла через читальный зал, где сидел единственный посетитель — старик с газетой. Он не

поднял глаз. Она остановилась у двери, обернулась. Посмотрела на полки с книгами, на фикус, на стол, за которым просидела тридцать два года. Ничего не сказала. Вышла.

Она уехала из городка в конце января, в морозный день, когда небо было низким и белым, как бумага. Автобус увозил её по единственной дороге, которая вела прочь. На остановке никого не было. Она стояла с чемоданом и смотрела на знакомые дома, знакомые улицы, знакомые лица, которые теперь принадлежали другим людям. Никто не махал ей вслед. Никто не знал, что она уезжает. А если бы и знал — вряд ли бы вышел.

В автобусе она села у окна и закрыла глаза. Водитель спросил:

— Куда едем?

— В город, — сказала она. — В большой город.

— А оттуда куда?

— А оттуда — куда глаза глядят.

Водитель кивнул и включил мотор. Автобус тронулся. Анна Петровна смотрела в окно и видела, как городок уменьшается, сжимается, превращается в точку. Потом исчезает совсем.

Через месяц в городке заговорили о новой сенсации. Кто-то из молодых сотрудников администрации нашёл в архиве старую папку, а в ней — черновики городской газеты за позапрошлый год. И среди них — заметку, подписанную Виктором Сергеевичем Гущиным. Заметка была злая, желчная,

полная презрения к жителям городка. Он называл их серыми, необразованными, ленивыми. Он писал, что культурная жизнь в городе умерла, и виноваты в этом сами люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.